

РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА

*КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО*

УД

РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА

г. Ленинск-Кузнецкий
Центральный общегородской
городская библиотека
им. Крупской

СТИХИ
О РОДНОМ КРАЕ

21231/1

г. Ленинск-Кузнецкий
Детская библиотека
Филиал

Литературный зал

P2
P13

Кемеровское
книжное издательство
1984

84Р7
Р 13

Художник В. П. Кравчук

Фотографии Е. К. Ильвеса, А. К. Кузярина,
Н. Ф. Карева, А. Л. Топуза

Р $\frac{20904-39}{M145(03)-84}$ 48-83 1905040000

© Кемеровское книжное издательство, 1984

Геннадий Юров

**РАБОЧАЯ
МЕЛОДИЯ КУЗБАССА**

Вы видите?

Горят огни в ночи —
На землю
небо звездное упало.

Вы слышите?

Мелодия звучит —
Поет земля
восточнее Урала.

Где города

по берегам реки
Тепла и света
создают запасы,

Ее добыли
 в шахте горняки —
Рабочую мелодию
 Кузбасса.

Мелодия, звучи
 с сердцами в лад.
Мелодия,
 наш путь
 велик и труден.
Земля открыла
 людям свой талант
И свой талант
 земле открыли люди.

От пламени
 не прячем мы лица,
Когда металл
 рождается в горниле.
Натруженные руки
 кузнеца
Мелодию
 надежно закалили.

Она в пролетах
 заводских гремит,
И поезда
 несут ее
 по трассам.
Она определяет
 стройке ритм —
Рабочая мелодия
 Кузбасса.

Когда в предгорьях
 выпадет роса,
Когда восходит
 солнце
 над долиной,
Таежный шум
 и птичьи голоса
В той музыке могучей
 различимы.

Живет тревога
 в отзвуках войны,
И ждет любовь
 назначенного часа.

Вплетается в напев
 родной страны
Рабочая мелодия
 Кузбасса.
Мелодия, звучи
 с сердцами в лад.
Мелодия,
 наш путь,
 велик и труден,
Земля открыла
 людям
 свой талант,
И свой талант
 земле открыли люди.

КАКОЙ
ЗЕМЛЕ
ПРИНАДЛЕЖИМ

**РАССКАЗ О КУЗНЕЦКСТРОЕ
И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА**

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1000000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора

По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат.
Под старую
 телегою
рабочие лежат.
И слышит
 шепот гордый

вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут,
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,

сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.

Мы

в сотню солнц,
мартенами
воспламеним Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам

и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».

Рос
шепоток
рабочего
над темью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвести,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Игорь Киселев

Г. Ленинск-Кузнецкий
Детская библиотека
Филиал № 10 ЦБ

ГОРОДУ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Годы мчатся по своим законам,
Разметав нас всех кого куда.
Мне сказал художник, мой знакомый:
— Разве здесь, в Сибири, города?

Поживешь — и сделаешься болен,
Схвачен безутешною тоской:
Ни тебе церквей, ни колоколен,
Ни архитектуры никакой.

Не на чем остановиться глазу.
До чего ж, мол, Новгород красив!
...И уехал,
Навсегда и сразу
Город мой нескладный разлюбив.

Посмотрю спокойно вслед составу,
Что унес его через страну.
Ничего доказывать не стану.
И ни в чем его не упрекну.

Ленинск-Кузнецкий
Национальная библиотека
Городская библиотека
им. Крупской

Приказать никто ему не вправе:
Тут живи или катай туда.
Я и сам видал и величавей,
И намного краше города.

Только, видно, так страна хотела,
И никто упрек не бросит в том,
Чтоб у нас вначале было дело,
Красота приложится потом.

И не ради чести или славы —
Не было возможности иной —
Шли отсюда тяжкие составы
В Новгород, поломанный войной.

...Сталь варили.
Уголь извлекали.
И — такие выдались года —
Города не строили веками,
За год возникали города.

Красота сегодня в нашем плане.
Верные и долгу, и мечте,
Через годы, полные делами,
Мы пришли к нелегкой красоте.

Пусть дороги многих вдаль умчали —
Мне по сердцу край моих отцов!
И стоит за нашими плечами
Гордость коренных сибиряков.

Выбирать и нынче каждый волен,
Тут уж как понравится кому.
Правда, ни церковей, ни колоколен
Воздвигать нам вроде ни к чему.

Трогаю молоденькие липы,
Юную пушистую листву,
И негромко говорю:
— Спасибо! —
Городу, в котором я живу.

КЕМЕРОВО

К нам города чужие строги
и словно замкнуты в себе,
пока мы озираем стройки,
не ведая о их судьбе.

Со смутным чувством одиноким
прошла я на исходе дня
сибирским городом далеким,
и он не замечал меня.

В свои заботы и заводы
он был глубоко погружен.
Дома, деревья и заборы
мне нехотя доверил он.

Он восходил дымами в небо
и мне свободу даровал,
и все же сумрачно и немо
смотрел и мне не доверял.

Но вот взошла я на пригорок
над Томью, и, вздохнув легко,
мне вдруг открылся этот город
доверчиво и далеко.

Велик он был. Но кто начало
его воздвиг, разбил жилье?
О Кемерово, что означало
издревле прозвище твое?

И так взволнованно, пристрастно,
как будто город был моим,
оглядывала я пространство,
могуче занятое им.

И город тот, меня проверив,
гудел, дымил, мерцал огнем.
Он величав был и приветлив,
и мне не позабыть о нем.

Проспекты.
Здания.
Дороги.
Машины грузные пылят.
Кому-то Кемерово строгим
Покажется на первый взгляд.

Что ж, город мой слезам не верит.
Он, щурясь пристально с вершин,
Все — в том числе и слезы — мерит
На свой, особенный аршин.

В дожде нечаянном и слабом,
Спускаясь вечером к реке,
Увидел я его
Прорабом
В брезентовом дождевике.

Но в то же время, между прочим,
Отлично зная, что почем,
Он был студентом и рабочим,
Шахтером,

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

I

А утром
Высотные трубы
Пронзают туманную мглу.
Мой город,
Я стискивал зубы,
Услышав в твой адрес
Хулу.

Восторгов, пожалуй, не надо.
Не сладок отечества дым.
Привязанность с первого взгляда
Не ходит
Проспектом твоим.

Но ты от судьбы
Не отрекся,
Которая так решена:
Не будет кузбасского кокса —
Не станет стальной страна!

Когда над землею взметнулся
Войны разрушительный гул,
Мой город в дыму захлебнулся.
Чтоб мир
Облегченно вздохнул.

Как отзвуки бед и печалей,
Будившие нас по утрам
Гудки
Навсегда отзвучали.
И время —
Исчезнуть дымам.

2

Построенные нами города
Не прячут бед былых
За новизною,
Чтоб мы не забывали никогда,
Какой за них заплачено ценою.

Пора, пожалуй,
Голову склоня,
Признаться с благодарностью сыновней,
Что это город создавал меня,
Выстраивал
По своему подобию.

Дарил восторгом и ввергал в печаль,
Приказывал
Пройти огонь и воду,
Чтоб я мужал душой,

Чтоб различал
В своем забое уголь и породу.

И всем хорошим,
Что я людям дам,
Всем добрым,
Что со мной происходило,
Я городу обязан,
И друзьям,
И женщине, которая любила.

Живи, мой город, многие лета!
В трудах эпохи
Торжествуй и здравствуй!
Твоя береговая высота
Над временем летит
И над пространством.

Отсюда вижу устье и исток,
Природы материнство ощущаю,
И все, что для меня отец сберег,
Я сберегу
И сыну завещаю.

НОВОКУЗНЕЦК

Ночная смена.

Город спит и слышит.

Как, целясь в звезды жерлами всех труб,

Припав к земле, завод Кузнецкий дышит.

Оберегая сон ее и труд.

Не спят премьеры —

Дальних стран премьеры:

Мол, как там — дышит или перестал?..

Металл, он тоже действует на нервы,

Особенно кузнецкий наш металл.

А к леткам — парни

В грубых башмачищах,

В прожженных робах, черные, как смоль,

Но нет их чище, нету соли чище,

Чем заскорузлых роб ночная соль.

И вот,

Едва заметная вначале,

Взрывается заря во весь накал:

По городу идет

Градоначальник —

Его превосходительство Металл!

ЦВЕТУТ ЯБЛОНИ

Гляжу взволнованно, по-детски:
Будто снег, застывший на лету,
Яблони цветут в Новокузнецке,
Яблони цветут.
Мне руками хочется потрогать
Их голубовато-белый дым.
Что, смягчая стройных улиц
строгость,
Делает весь город молодым.
Люди прозорливо рассмотрели
Нужность гениального мазка
Яблоневой тонкой акварели
В мощной панораме КМК...
Снова с неожиданною силой
Город ваш овладевает мной,
Как-то по-весеннему красивый,
Как-то по-особому родной.
Радостно взволнованный,
по-детски
Лепестки ловлю я на лету.
Яблони цветут в Новокузнецке,
Яблони цветут...

УГЛЕГОР

Замаячил вдали копер.
Гой ты, город мой Углегор!
И возник в черно-белых красках
он, кромсающий окоем,
распинающий на контрастах
представление мое о нем.
То мне видится время вспашки,
то поющий большой верстак..
Возле звонкой многоэтажки
осовелый глухой барак.
Меж провалов и терриконов
неизбывные тополя.
За тычинками микрорайонов
колосящиеся поля.
И рекут селу горожане,
из забоя попав на ток,
дескать, к слову сказать о грани,
мы в земле понимаем толк.
Не разъять, как и крыльев птицы,
слов: добыча и урожай.

Пылью угольной и пшеницей
пахнут волосы у горожан.
...Что ни город — свои повадки.
В многолюдных — такая глушь!
Там соседям с одной площадки
дела нет до соседских душ.
А у нас повсеместно уши
и глаза начеку, и нос.
Исповедуют ваши души,
не успеете пикнуть «SOS».
В клубе, если не ждут артистов,
как всегда, старики торчат.
Чинно слушают атеистов
и тихонько крестят внучат.
А в кафе раздаётся: «Горько!»
И по музыке по реке
в пляске плещется — ты, подгорна!.. —
лебедь-девочка в парике.
...Не селяне — под стать и норы,
но деревня его дала.
И в каком-нибудь из шахтеров
вякнет властно дитя села.
Голос дедушкиного счастья...
И агукнет ему горняк:
разорвусь я теперь на части,
но отгрохаю особняк.
Нам понятен и дух бензина,
и коровьего молока.
О гараж, где стоит машина,
будет живность чесать бока.
И останется в нашем плане
современней обставить дом...

Дескать, к слову сказать о грани,
не в деревне, поди, живем.
И замолкнет, свое итожа...
Не подбить ли и мне итог?
Не на отрубе рос —и тоже
понимаю забой и ток.
Знать, за это плачусь строкой
деревенской и городской?..
И вздохнет мой нескладный город:
— Что напишешь, и я такой...

Ничего не спросишь у породы.
Прогорело! — разгребай пейзаж.
И среди любителей природы
Правильный царит ажиотаж.
Терриконы попирают небо.
Прошлое! Хоть ты благослови
Пасынков промышленного хлеба,
Памятники горя и любви.

МАРИИНСК

Перевянут все цветы,
Перевянут.
Мало осенью тепла,
Мало света.
Этот город —
Как цветок деревянный
На закате деревянного лета.
Мастерами он гремел,
Мастерами.
Не сидели мастера
На приколе.
Руки добрые свои
Простирали.
От Байкала
До уральских предгорий.

Поднимались мастера
Спозаранок.
Надевали понарядней
Рубахи.

А и дела-то:
Топор да рубанок,
Да янтарные гудящие плахи.

Рассуждали мастера неторопко,
Не спешили приниматься за дело,
Чтобы дом — так был он дом,
Не коробка,
Чтоб душа в нем отдыхала и пела.
Ветер волосы пушил,
Веял стружкой
И за Кию улетал
Без печали.
Уходили мастера
Друг за дружкой,
Уносили топоры
За плечами.

Завещали мастера
Подмастерьям:
Подружитесь, мол, навек
С кружевами.

И вставал за ними дом —
Словно терем,
Чтобы сказки в терему
Проживали.

Тучи серые брели
В поднебесье.
Уходили мастера,
Умирали.

И вставал над ними город —
Как песня,
Да такая, что сердца замирали.
Шли над городом лета
За летами.
В ставни стукались дожди,
Как слепые.
Осыпались кружева,
Облетали,
Горьким прахом становились и
пылью.

Был он славен, Мариинск,
Мастерами,
Славен вязью кружевной
Настенной.
Уходили мастера,
Умирали.
Но бессмертно мастерство
И нетленно!

Я по родине бродить
Не устану,
Но в душе храню,
Как искорку света,
Этот сказочный цветок
Деревянный
На закате деревянного лета.

ЗДРАВСТВУЙ, МЕЖДУРЕЧЕНСК!

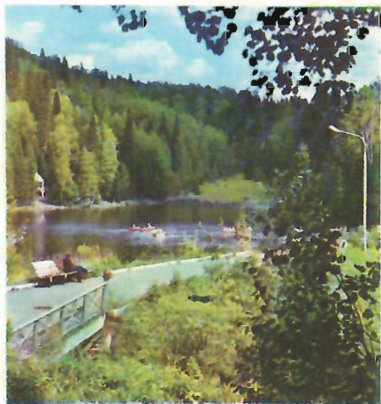
...Вновь, зову странствий не переча,
Я в летний ринулся простор.
И, как награда, Междуреченск
Встал предо мною между гор.
Встал между Томью и Усою
Гравюрой, врезанной в ландшафт, —
Домов неброскою красою
И строгой мощью новых шахт,
Горбами первозданных сопок
И терриконами на них,
Проспектами на месте тропок,
Ведущими в тайгу и в стих.
Весь неожиданно красивый,
Меня захватывает вдруг,
Еще творимый дивной силой
Ума,
Мечты,
Рабочих рук.
Любую сокрушив преграду,
Делам и целям дерзким в лад,

Встает, подобно Ленинграду,
«Из тьмы лесов, из топи блат»...
Взволнован необычной встречей,
Гляжу на новые места:
— Так здравствуй, юный Междуреченск,
В тайге творимая мечта!

* * *

Мой товарищ спросил у меня без затей:
— Отчего в Междуреченске много детей?
Как пойдешь по проспекту, так даже на взгляд
Впрямь не город в тайге,
А сплошной детский сад!..
Отчего?
Оттого, что красивы места,
Оттого, что вода родниково-чиста,
Оттого, что, на улицы хлынув весной,
Как вино, кружит головы запах лесной,
Оттого, что, когда зацветут огоньки, —
Старики для старух заплетают венки!
И мужья, от забот отвлекаясь дневных,
Замечают, что жены красивы у них!..
Оттого, что увидишь, куда ни пойдешь, —
Молод город и строит его молодежь,
Ах, завидуйте, старые города, —
Здесь любовь по-особенному молода!
Водят парни девчат на оранжевый луг,
Осыпая цветами-огнями подруг.

А черемуха!
Вся побелеет гора!..
И не спит молодежь,
И поет до утра.
А когда напоятся, когда замолчат...
Ожидай, старики, голосистых внучат!
Мой товарищ спросил у меня без затей:
— Отчего в Междуреченске много детей?
Я плечами пожал, отмахнулся рукой:
— Отчего?
Да, наверное, климат такой!..

БЕРЕЗОВСКИЙ

Сибирь раздвигает границы
поселков своих, городов.
И краны парят, словно птицы,
над ширью таежных лесов.

Вот скоро на этой поляне,
где водятся стайки олят,
появится школьное здание,
заполнится гамом ребят..

Мне радостно это представить:
закончим строительство мы
и там, где волнуются травы,
начнут волноваться умы!

РОДИНА

Я помню руку ласковую, мамину.
Она простынку стлала под меня.
А родина была такой же маленькой,
как колыбелька детская моя.

Я помню двор: кричаще, ослепительно
шагали куры, выставив зоба,
а родина была уже вместительна,
как этот двор и русская изба.

И год от года, постепенно, исподволь
мир отдвигал все дальше рубежи,
и доверяла родина мне исповедь,
в которой все явления свежи.

И с каждым разом,
если что-то пройдено,
я думаю все чаще и ясней:
чем больше человек, тем больше родина,
а значит, и понятие о ней.

* * *

Салаир, Салаир...
Горы с дымкой и с лающим эхом.
Так и слышатся мне соловьи
В поэтичном названии этом.
Думал я: среди горных громад.
Молодые сердца будоража,
Соловьи там гремят и гремят
По всему салаирскому кряжу.
Только встретился я с тишиной,
И она меня насторожила.
В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожил.
Прямо спрашивал и намекал,
Соловьи, мол, поют ли ночами?
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: — Есть.
Я сама его слышала в мае.

Было звездно, и было темно.
Все цвело, месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь, на вербе.
Только дед разозлен этим был,
Он сказал: «Греховодные птицы».
И на завтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было ютиться.
Я гостил у тебя Салаир.
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твои соловьи,
Мне услышать необходимо.
Есть они. Я пойду за реку.
Я все горы шагами измеряю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке — верю.

ТОМЬ-РЕКА

Твои волны густы —
Гребнями, гребнями.
По преданиям ты
Древняя-древняя,
А в глубинах, средь дня,
Будто кем велено,
Как в глазах у меня —
Зелено-зелено.
Не устала, спеша,
Биться и пениться.
Сестра Иртыша,
Ангары соперница.
Ты себя не берегла,
Ленью не позорилась!
Погляжу — берега
Каменно-мозолисты.
То залив, то рукав,
Ветерки рыскают...
Дорогая мне река,
Самая близкая.

НОЧЬ НА БЕЛЬСУ

А. Никитину

Опрокинув прогнозы и правила,
Дождик шпарит вовсю,
Будто небо совсем продырявилось
Над долиной Бельсу.
И с какой-то горькой обидою,
От дождя и злости устав,
Мой товарищ «гнилой Колхидою»
Называет эти места.
Приседает к земле от ярости
На кедровых лапах костер...
Пусть за эти слова, пожалуйста,
Извинят нас жители гор.
Мы, продрогшие и усталые,
Тянем руки к огню костра.
И поверьями дышит старыми
Рядом с нами Шаман-гора.
Мы вчера еще долго спорили
О загадках этой земли,

А сейчас — все легенды Шории
В изголовье наше легли.
Кедр над речкою, будто каменный,
Тянет свежестью сонной с гор...
И горит загадочным пламенем
Под дождем таежный костер.

КАБЫРЗА

Кабырза, Кабырза,
Я видал воочию,
Как дика ты и борза,
Валуны ворочаешь.
А у этой вот косы
Тихая ты, тихая.
Даже слышно, как часы
На запястье тикают.
Виснет веток бахрома.
Берега опятные.
Ну и пляжи! Задарма!
Почему не платные?
Я сейчас бы деньги — динь.
Чтоб с веселым оханьем
В эту матовую синь
Окунуться окунем.
Ты сказать мне не вольна,
Речка окаянная,
Здесь речная глубина

Или океанная?
Может, здесь, вращая в дно
Под водой стоячею,
Острый камень ждет давно
Голову горячую.
Я вот так,
 тропой крутой,
Продвигаясь с доблестью,
Бит не раз недобротой,
Спрятанной за добротью.
Но не пал я перед ней,
Как дубок подточенный,
Только стал еще сильнее
И еще устойчивей.
Потому беру разгон —
Пусть беда встречается.
От прыжка моего
Тальники качаются.

* * *

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зеленых пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась,—
В моей груди все время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твоё немеркнущее имя.

Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он? —
И скажут им в ответ:
— Он — марьевский
И поступью и родом.

Я ПРИВЕЗ...

Посетив места родные,
Я подарков не привез —
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берез,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат,
Черный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру..
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша,
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.

КРАСНАЯ ГОРКА

1

Да, берег мой богат пластами
В скале.
Чернеют их следы.
Окаменела в недрах память
Деревьев,
Солнца
И воды.
Томилась в ожиданье долгом...

Когда походную суму
Здесь скинул с плеч
Михайла Волков,
Мой берег
Камень дал ему.

И вот в ночи
Заполыхало.
И как легенда ни стара,
Я жив
Прозрением Михайлы.
Я греюсь у его костра.

В истоки всматриваюсь зорко.
 Мой берег,
 Вразуми меня:
 Тебя назвали Красной Горкой,
 Поскольку красный —
 Цвет огня?
 А может быть,
 За опыт горький?
 Оставили бандиты след.
 И Красная
 Кому-то Горка,
 Поскольку красный —
 Крови цвет?

А может, этот адрес точен,
 АИК-«Кузбасс» —
 О братстве весть,
 О солидарности рабочей,
 Крепившейся когда-то здесь?
 Сыны Берлина,
 Вашингтона,
 Подняв Рудник и Коксохим,
 Цвет красный,
 Революционный,
 Считали знаменем своим.

Легенд я много слышал —
 Разных.
 В народе каждая свята.

А может, имя Горки Красной
Связать со словом —
Красота?

3

Величие событий скромных
Оценится.
Рассветный год.
Восстановив из праха домну,
Дал плавку
Гурьевский завод.
И как залог кузнечных марок,
Которых требует страна,
Послали Ленину
В подарок
Тяжелый слиток чугуна.

Я посетил музей вождя,
В его кремлевском кабинете
Об этом слитке
Вспомнил я
И как товарища
Приметил.

Мне думалось в минуту ту
И лучшей музыкой звучало,
Что уголь
В Волковском пласту
Добыт
Для выплавки металла.

Кусок застывшего огня
Самой историей проверен.
И я гордился тем,
Что берег
Отсюда виден —
Из Кремля.

СЛАВЛЮ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
РУКИ!

О СИБИРЯКАХ

Хочу сказать по-дружески, по-братски,
Обидеть не желая никого, —
Родиться в Красноярске или Братске
Еще не значит ровно ничего.
Какие бы там копыя ни ломали
И как бы в грудь ни били кулаком —
Родиться под сибирским небом мало —
Необходимо стать сибиряком.
Бывал я с лесорубами на рубке,
И лес валил, и грелся у костра,
И руки жал им. Были эти руки
Корявы, что кедровая кора.
Я видел, как охотник белок щелкал,
Умело попадая точно в глаз.
С шахтерами я по-сибирски «чокал»
И чаркой тоже чокался не раз.
И все они — шахтеры, машинисты,
Сибирь из тьмы поднявшие рывком,
Слова не рассыпали, как мониста.
И в грудь свою не били кулаком.

Не выходили напоказ, раззванивая,
Мол, сибиряк, а не какой иной...
Они всегда большое это звание
С достоинством несут перед страной.
Живут трудом. А по труду — награда.
Идут вперед широким большаком.
«Я сибиряк» — кричать совсем не надо,
А просто надо быть сибиряком.

УЗНАЮ ТЕБЯ, ДРУГ...

Я вам жить завещаю...

«Я убит подо Ржевом»

А. Твардовский

Узнаю тебя, друг,
по растоптанным и порыжелым
по твоим сапожищам,
отмерившим сотни дорог
за себя и за тех,
кто остался лежать подо Ржевом,
кто на подступах к счастью
в семнадцатом лег.
Узнаю по ладоням,
за трудную жизнь отвердевшим,
по глазам,
ни в большом и ни в малом
не умеющим лгать,
по тому, как ни разу,

сославшись на климат на здешний,
не искал, как другие,
заморских земель благодать.
Да, и круто и солоно было,
не баловал орс нас харчами,
нас всегда провожали,
но никто и нигде не встречал.
Нам всегда было трудно,
но кто-то же должен вначале
проторить первопуток —
иначе бы не было в жизни начал.
Нас не надо скликать,
нас не надо просить под нажимом,
если городу встать
в самом сердце сибирской тайги.
Нет, недаром отцами
завещаны нам, одержимым,
телогрейки
да эти вот порыжелые сапоги.
И когда кто-то к слову заметит:
мол, хватит уже вам
и поселков, и шахт,
и протоптанных вами дорог,
ты,
всегда подотчетен
перед тем, кто убит подо Ржевом,
спросишь, мысленно совесть:
а все ли я сделал, что мог?

* * *

Мне, рабочему,
Все по силе,
Мне, строителю,
Все с руки:
На домах
Стропила
Стропилить,
Окосячивать
Косяки...

Знаю тайну
Весенних почек,
Знаю сладость
Медовых сот.
Понимаю
Работу строчек,
Как товарищ мой
Гесиод.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Одна страница перелистнута,
Шесть строк —
И книжка прочтена.
Но в эти строки много втиснуто,
Полжизни, не считая сна.

Она скромна.
Сусальным золотом
Ее никто не покрывал.
Вот первая строка —
Под молотом
Два года я ее ковал.

Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе.
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

Второй строкой
Три года отнято,
Она была в литейной отлита...

В те дни,
Не очень отдаленные,
Она казалась огневой.
Теперь остыла, закаленная,
И отливает синевой.

Шесть строк,
И кованых и плавленных,
Шесть строк,
Коротких и простых,
Шесть вех,
Негаданно поставленных
На поворотах
На крутых.

Шесть глав
Неповторимой повести
О судьбах на земле родной —
Шесть строк —
Как шесть упреков совести
За не написанное мной...

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов.

— Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...

— Пиши,— сказали,—
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,
Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

* * *

Тебе всей родней напророчен
С пеленок орлиный полет,
А жизнь лишь подсобным рабочим
Тебя для начала берет.
И вот ты весь день «на подхвате» —
Поддай, пособи, поднеси,—
И вот ты приставлен к лопате
Заместо мотора в сто сил.

Случится работа — до пота,
Осилишь — чудно самому.
А все вроде так — не работа —
Ни сердцу не дать, ни уму.
Случится — иная работа
Вначале захватит, а там:
«Да ну ее, скажешь, в болото!» —
И кончишь с грехом пополам.

Но вот невзначай, ненароком,
К примеру, ты взял мастерок —

И словно дремавший до срока
Ударит в крыло ветерок,
Еще не родивший полета,
Но властно зовущий: «Пора!»
И ты загорись: — Работы!
Работы, товарищ прораб!
И станут земными те боги —
И мастер Федот, и Кузьмич,—
Которым ты кланялся в ноги,
Весь день подавая кирпич.
И скажет из новеньких кто-то:
— Видать по полету орла!..
Эх, мне бы такую работу,
Чтоб за душу прямо брала!

БРИГАДИР

Его не назначают,
Как с прочими бывает.
Его сама бригада
На должность выбирает.
Ему по доброй воле
Вверяют люди судьбы,
И если он ошибся —
Они ему и судьи.
Зато не облачают
Они любого кряду
Высоким полномочьем —
Доверием бригады.
И зря иной кичится
Чинами и мундиром:
Кто не был бригадиром —
Тот не был командиром.

НАПАРНИК

По штреку — не мальчик, не парень —
я в паре вагончик толкал.
Был впору недюжий напарник,
его жестковатый оскал.
Он злился: — Задали работку.
И тут же мы в голос: — Давай!
Кричал я: — Сюда бы лебедку!
И разом опять: — Нажимай!
С породой, порожний, с породой...
За рейсом мучительный рейс
Порой — хорошо хоть порожний —
вагончик соскакивал с рельс.
Уж славим его, ох и славим!..
И чуть ли не в голос: — Давай!
На путь его истово ставим...
И разом опять: — Нажимай!
Какая там увлеченность!
А сила еще не пришла...
Так вышло: ожесточенность
напарником первым была.

Впрягался я в лютое дело —
да так, что трещали гужи.
И чувствовал: жесткостью тела
становится жесткость души.

ГОРНЯКУ

Передо мною — терриконы,
А в царстве угольном,
Внутри,
Составы дышат, как драконы,
Мерцают бликами зари.

Там рукотворной красотой
Обогревало и меня,
Хотя с породю пустою
Встречался, душу кровеня.

Мне ж недосуг твердить об этом...
Я присягаю, как боец,
И перед вечным
Красным цветом,
И перед мужеством сердец!

Сердца горняцкие едины:
Дружна шахтерская семья.
Пусть ярче лампы Аладдина
Сияет лампочка твоя!

Нам суждено познать с тобою,
Как дар могучей красоты,
Не только небо голубое,
Но и глубинные пласты.

О, эти смены трудовые!
Но после каждой — неспроста
Ты словно видишь мир впервые
И повторяешь: «Красота!..»

ШАХТЕРСКОЕ БОГАТСТВО

Уголек, уголек —
Потаенное солнце земное,
Как тебя нелегко
В душном штреке
Шахтеру дробить!
Ты подвластен лишь тем,
Кто испытан
И стужей, и зноем,
Кто способен свой край
По-сыновьи беречь и любить!

От породы пустой
Не одним только блеском
Особым
Отличаешься ты,
А незримой своей теплотой.
Кто в глубинах твоих,
Будто в прошлых столетиях,
Пробыл,
Тот сроднится с тобою,
Как смелый пилот с высотой.

Верю: в этом родстве —
Сила нашей священной Державы!
И когда говорят
О суровом горняцком труде,
Представляю всегда
Выходящего друга из лавы,
На которого я
Положиться
Согласен везде.

Светом редким богат
И характером
Многих подтверже.
Как доступна ему
Обожженного времени суть!
Знаю: Землю они,
Вот такие ребята, поддержат,
Всей Планете прикажут:
«Устойчивей, матушка, будь!»

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО...

У домен
Есть свое отличие.
Здесь выход чугуна
Не зря
Торжественностью и величием
Подобен выходу царя.

Пред башнею,
Где руды плавятся,
Все,
Кто в заботах ночь не спал,
Стоят и ждут:
Сейчас появится
Его Величество Металл.

Он вышел...
Люди расступаются,
Растроганные красотой.
Идет —
И звезды осыпаются
С его короны золотой.

Не скрыть,
Не спрятать изумления
Ни горновым,
Ни мастерам...
Но,
Ожидавший поклонения,
Он поклонился людям сам.

ПЕРВАЯ ДОМНА

Величавей, огромней
Я дива не видывал —
Встала первая домна,
Как невеста на выданье.
У нее ухажеров —
Можно сбиться со счета.
На нее целый город
Нынче смотрит с почетом.
Парни в стеганках ватных
Хлопочут вокруг.
Женихи или сваты —
Разберешься не вдруг.
Молода и красива,
Принаряжена, прибрана,
Посредине Запсиба
Встала Домна Запсибовна.

* * *

Возьми, Запсиб, меня в ученики!
Заставь забыть про строки, про бумаги.
Как привлекают к службе,
Привлеку
К ответственности, долгу и отваге,
Впряги в работу, приведи к присяге,
Поставь к станку — привычкам вопреки.

Я день один, всего лишь только день
Бродил в твоём сиянии и гуле,
И лица озабоченных людей
Передо мной, сменяясь, промелькнули.
Шёл трудный день, мешая свет и тень,
Кипя, как муравейник или улей.

Хочу как свой войти в твои цеха,
И к сложности бесчисленных конструкций.
Не мимолетной ошупью стиха —
Руками по-хозяйски прикоснуться.
Но стать своим — задача нелегка.
Крута дорога — выдержат ли буквы...

Моя тропинка, судя по всему,
На миг с твоим пересеклась разливом
И в сторону ушла...
Так почему,
Охваченный неведомым порывом,
В твоём движенье, грохоте, дыму
Себя я сильным чувствовал, счастливым.
К твоей судьбе причастным?
Не пойму.

Возьми в ученики меня!
Открой
Из будущего брезжащие дали!
Перемешай предсменную порой
Мой легкий след — с тяжелыми следами!
И пусть прорабы говорят со мной
На языке нарядов и заданий.

Что б я ни делал — встань, как эталон,
Над книгами, поступками, стихами.
Да осенит за письменным столом
Меня твое могучее дыханье!

И пусть, Запсиб, средь мастеров твоих
Не мастером я буду — подмастерьем,—
Дай мне надежно выверить мой стих
Тем, что мы строим.
Тем, во что мы верим.
Придай накал звучанию строки.
Возьми, Запсиб, меня в ученики!

В ЛИСТОПРОКАТНОМ

Будто отсветы солнца
У меня на лице
Мимо красные волны
Катит огненный цех.

Я слежу удивленно
За движеньем листа —
Словно в праздник знамена,
Полыхает металл.

До чего же красиво!
Как возвышен здесь труд!
Славу мирной России
Эти люди куют.

Я горжусь их успехом,
Зреет чувство во мне,
Что я в огненном цехе
Стал намного сильней.

И понятно мне стало:
В богатырском труде
Входит крепость металла
В души наших людей.

Эта крепость и сила
Для того нам нужна,
Чтобы крепла Россия,
Молодая страна.

ГОРНОВОЙ

Во всём, как дома,
Он был уверен,
Питала домна
К нему доверие,
К большому, прочному,
К работе жадному,
В спецовке войлочной
Цвета ржавчины...
Но как-то домна
Шла с перекосом,
Швыряла долго
Горячим коксом.
И отступили
Борьбой измученные,
Обессиленные
Его подручные.
А он, какой-то невозгораемый,
В огне спокойно
С ней разговаривал...

То злил, вонзая
Ей пику в горло,
И шлак слезами
Катил из горна,
То слушал долго
Её, как доктор,
И кислорода давал ей вдоволь...
Она мучительно
Шла на поправку,
А он подсчитывал
Потери в плавке
И шел, огромный,
Огню навстречу,
Готовый домну
Взвалить на плечи,
Готовый сдвинуть
Ковши рукой...
Мы все завидовали
Любви такой!

* * *

Пересохли жаркие ручки.
Отпылали, отшумели страсти...
Возвратясь от доменной печи,
Охнул, слег и...
Умер старый мастер.

Не было сединок в бороде,
Даже грудь, по слухам, не болела,
Просто у него в большом труде
От железа кровь отяжелела.

И зимой
По стуже ледяной,
Знойным летом, в мареве белесом,
Взятое из недр земли родной,
Поездами шло к нему железо.

Дань земли,
Что брал он, велика:
Из ручьев горячих,

Бивших в створы,
Огненная вышла бы река,
А из руд
Могли б сложиться горы.

И теперь
За все, что в недрах брал,
Что в огне горячем переделал,
Он земле в уплату отдавал
Маленькое сухонькое тело.

Никому,
Кто знал сго давно,
Не казалась малой эта плата.
Сухонькое, легкое, оно
Стоило того,
Что было взято.

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК

К чужому труду вдруг почувствую зависть.
Вот электросварщик поджег электрод —
Мне кажется: это непуганый аист
На кончике клюва комету несет.

Под маской, наверное, жарко несносно,
За шиворот капелька пота стекла...
Он, как наблюдатель затмения солнца,
Следит сквозь копченый квадратик стекла.

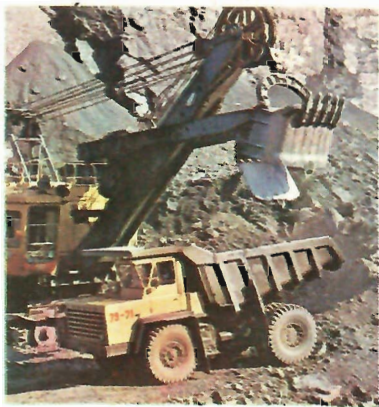
В ладонях верхонок от глаз посторонних
Молекула солнца трепещет, жива!
Он, словно земли сердобольный садовник,
Склонился к малиновой веточке шва.

Стекает скупая слезиночка стали —
Зубилом такую не срубишь потом!..
И серая кепка, как будто позвали,
Торчит, оглянувшись, назад козырьком!

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воюют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще, отточенные дедами,
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено
Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров —
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь, как яростно в брусok
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Всегда приветят подобающе —
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с ног сшибающий,

В больших кисетах самосад.
И не спеша, на темы местные —
Рассевшись, будто бы на час —
Нам разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.
Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронется в объезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид:
Мол, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная стоит.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Экскаватор, как гусь лапчатый,
Выгибает костлявую шею.
Мною этот разрез начатый
На округу глиной рыжее.
День рожденья сегодня праздную.
Огибает стрела полнеба.
Лезут в голову мысли разные...
Хорошо нынче, вдоволь хлеба.
Хорошо, что погода ясная.
Мне осилить бы эту вскрышу.
День рожденья сегодня праздную,
Что-то с родины мне не пишут.
На рекорд попробую выйду.
Бултыхается ковш, как краб.
Я сегодня две нормы выдам —
Это точно, товарищ прораб.
Что-то сгрудились в кучу МАЗы,
Не обжал бы меня сосед.
День рожденья сегодня праздную.
Мне исполнилось сорок лет.

Сорок лет за плечами — горы
В домнах спаленного угля.
И могучий вот этот город,
Полюбившаяся земля.
Огибает стрела полнеба.
Мне не надо в ладони звезд,
Пусть всегда будет вдоволь хлеба...
Я в бесхлебные годы рос.

Крутой подъем.
Дождя и снега помесь.
Кусты в мохнатом, медленном дыму.
А машинист вести тяжелый поезд
Помощнику доверил своему.
Я только уголь мог бросать в раструску,
Рабочий стаж мой был предельно мал,
И смысла неожиданной нагрузки,
Признаться, я тогда не понимал:
Мой старший друг и сам был в полной силе.
И вот я сел за «правое крыло»,
За рычаги, которые хранили
Больших, спокойных рук его тепло.
Шел поезд тяжело и напряженно —
Подъем был непомерно затяжной.
А машинист, в приборах отраженный,
Стоял все время за моей спиной.
Курил, как будто в полном отрешенье,
И радовался, может, оттого,
Что все мои, пусть робкие, движения

Подсмотрены не где-то — у него.
Он тоже ждал, когда по всем приметам,
Увиденным за снегом и дождем,
Последним, круто вздыбленным пикетом,
Мне покоряясь, кончится подъем...
Теперь через любую непогоду,
Какие бы мне грузы ни возить,
Я знаю, где прибавить надо ходу
И на каком уклоне тормозить.
И, в сотый раз крутой подъем встречая,
Поездку помня первую свою,
Я рычаги помощнику вручаю
И за спиною у него стою.

* * *

Иду, в людской поток вливаясь,
Как в речку малый ручеек.
Я не боюсь, что затеряюсь,—
Мне люб клокочущий поток!
Мне по душе упругость будней —
Работа на пределе сил,
Я не страшусь того, что трудно,
Мне этот ритм до боли мил.
Пусть жизнь вокруг меня клокочет!
Не оттого ли мне светло,
Что я в руках своих рабочих
Несу ей силу и тепло?

* * *

В технике,
В искусстве
И в науке
Славлю человеческие руки!

В ссадинах, в узлах, в набухших венах,
Про любого скажут — кто таков —
Откровенней самых откровенных,
Самых удивительных стихов.

И еще я так скажу, осмелев:
Жизнь у нас — не праздник, не парад.
Золотое звание — умелец —
Я считаю выше всех наград.

Если даже был бы я стоустым —
Утверждал бы в прозе и стихах:
Всякий труд становится искусством
В умных и внимательных руках.

С каждым годом становлюсь пристрастней
И не знаю меры в похвале,
Потому что ничего прекрасней
Рук рабочих
Нету на земле!

СТОРОНА
ЛЮБИМАЯ,
ПРИМЕТНАЯ...

* * *

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками.
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене — одной лишь жизни равного.
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять — не получается.

* * *

Теперь не знаю, в шесть ли,
В семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней,
Я полюбил вот эту землю
И все растущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился между прочим
И красоте, и доброте.
Я пил прохладный сок березы
В старинных русских туесах,
И оттого мой чуб — белесый
И зелень легкая в глазах.
И вот стою — большой и взрослый.
Меня попробуй отдели
От этой теплой, этой росной,
От русской утренней земли!
Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветет!
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведет.

* * *

Да разве есть еще дороже
Земля, чем эти берега,
Где ты мальцом ловил сорожек,
Где в плен брала тебя тайга
Душистой, сочною малиной,
Осенним даром кедрача,
Немудрой песней глухариной,
Водой студеного ключа,
Где ты с бригадою отцовской,
Как сокол, ставший на крыло,
Гордясь брезентовой спецовкой,
Шел обновить свое кайло;
Где, по-мальчишески несмелый
И по-мужски на слово скуп,
Сорвал, как гроздь рябины спелой,
Заветный плод с девичьих губ;
Где, у косы направив жало,
Ходил в атаку на траву,
Откуда юность уезжала
С полком сибирским под Москву?..

Здесь все твое: лугов раздолье,
Глубь омутов и плёсов мель,
И вербой пахнувший апрель,
И стёжка снежная соболья —
Твоя земля из всех земель,
Твой отчий край и колыбель,
Край, о котором с тайной болью
Ты, помня всё до малой доли,
Грустил за тридцать земель...

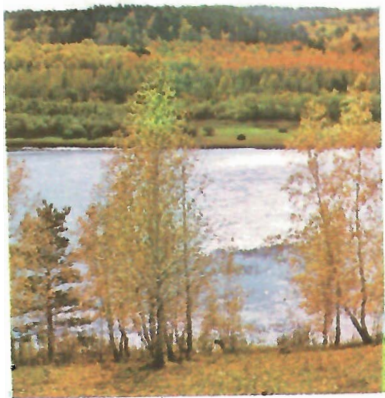
Василий Федоров

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн веселую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой,—
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит,
Она с веселыми стрижами
О чем-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих малых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Все сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу,
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

* * *

За рекой талиновой, за мельницей
Земляникой крашены холмы.
Ввек ничто, казалось, не изменится —
Ни деревья, ни земля, ни мы.
Буду проходить короткой улочкой,
Чтобы к речке выйти поскорей.
С довоенной, береженной удочкой,
Вечною грозой пескарей.
И на зорьке,
 легче одуванчика,
Будет вслед смотреть мне каждый раз
Девочка в цветастом сарафанике
С жаркими веснушками у глаз.
Ветерок займется и уляжется
В тень под тальники да тополя...
Что ж, ничто не изменилось, кажется,
И деревья те же, и земля.
Только я бываю здесь наездами.
Даже не заглядывая в дом,
Ночи коротаю под навесами

На клубничном сене молодом.
Только приобрел другие удочки
Все на тех же вечных пескарей.
И спешу по той же самой улочке,
К той же речке выйти поскорей.
И зарю утренней просвечена,
Там, где домик низок и угласт,
Мне вослед подолгу смотрит женщина
С первыми морщинками у глаз.

* * *

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось все
В сознании моем:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

Николай Колмогоров

* * *

Хрустальной палицей мороза
земля насквозь потрясена!
На ней — глубокий след обоза,
И в чашу вмерзла тишина.
Там, где дорога в гору круче,
все чудится, как над рекой
идет за снеговые тучи
одна подвода за другой...
Зияет вечера горнило.
Полозья по небу скрипят.
И вижу снова все, как было
сто или двести лет назад:
прозябнув до гусиной кожи,
мальчишкою дышу в ладонь
в тот час, когда за Томь, похоже,
вот-вот закатится огонь...

ЦВЕТА ТАЙГИ

Черно-белой,
Черно-белой
В зиму выглядит тайга.
Хрусткой шкурой задубелой
Покороблены снега.
Я гляжу — тропинки нет ли?
Ни тропинки, ни лыжни,—
Наметали зайцы петли
На задымленный снежник.
Черен дым от паровоза —
Сажей мажет снеговей,
Даже белые березы —
В черном кружеве ветвей.
Черен резкий росчерк рельса,
Возле рельсов снег белей,
Будто белый заяц грелся
У потушенных углей.
Над снегами,
Под белками,
От хребтины по ребру

Черен скал угрюмых камень
Будто чернь по серебру...
Незабытого значенья
Слов прорвутся родники:
Ведь тайга зовется — чернью,
Белогорьем — ледники.
Но под зимнюю бесстрастность,
Под глухую вязкость сна
Гром воды и яркость красок
Прячет горная весна.
А пока — оцепенело
Стынут горы и лога:
Черно-белой,
Черно-белой
Притворяется тайга.

* * *

Светлы березы. Воздух чист.
Далекий лыжник вглубь скользит.
И неоглядный снег лучист,
и тонким холодом сквозит.
Там деревушек сонный посвист.
Кнута над розвальнями охлест.
У горизонта — солнца просвет.
Зеленой нитью бор стоит...
Молчат поля. По дну оврага
сверкает льдом бывая влага.
Лисицы след ночной, глубокий
в немые заросли спешит...
И древний холм, его сиянье
влечет к себе сквозь расстоянье.
Вновь на вершину восхожу
и в душу Родины гляжу.

Какая белая вода,
Какой рассвет сегодня белый!
И капли земляники спелой
Висят под зеленью листа.

До горизонта — березняк.
И только дождь промчался частый,
Хрустальной выгнутою чашей
Над миром встала белизна.

К дождинкам руки протяну
И отразусь в зеленых лужах.
И буду слушать, слушать, слушать
Цветную птичью тишину.

Я с ней с рождения знаком.
Лес улыбнется мне и разве
Листком рябины лишь подразнит,
Зеленым, узким языком.

Дивясь, Анюткины глаза
Во все глаза глядят на лето.
И, как медведь, ворчит за лесом,
Еще ворочаясь, гроза...

Анатолий Саулов

* * *

Травы тонкие качают
Солнце в зыбком мареве.
Запах то ли иван-чая,
То ль кореньев марьиных.

Плач кукушки. То не блески,
Не цветочки синие —
Впрямь кукушкины здесь слезки
По траве рассыпаны.

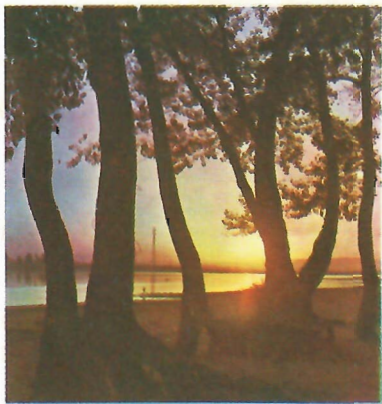
Отведу рукой рябинку
И увижу длинную
В мураве-траве тропинку,
Тропку муравьиною.

Просят травы: — Загляни-ка,
Солнце росы выпило!
Красным градом земляника
Заплясала, выпала...

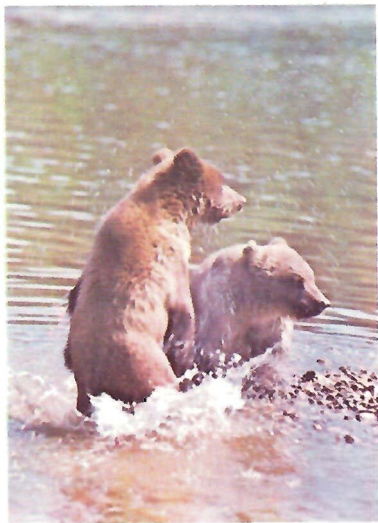
Мне рассвет в глаза заглянет,
И меня, как мальчика,
Здесь, как мать, ладонью гладит
Даже мать-и-мачеха.

СТОГА

От реки, где веточки черемух
В эти дни — как черные рога,
В медно-рыжих сказочных шеломах
Разбрелись усталые стога.
Разбрелись и стоя задремали,
На Стожары грузно опершись,
А кругом простор, сквозные дали,
Только ветер чосится — держись!
Ветер крутит все, что худосочно,
Все, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.
Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.
Снятся им зеленые тропинки,
Звон литовок, мокрых от росы...
Шевелятся тонкие былинки,
Как в улыбке рыжие усы.

Снится то, что было знойным летом:
Земляника, девушка с букетом,
Косарей веселых голоса...
Низко-низко тучи проплывают,
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и с радостью вдыхают
Из деревни запах молока.
Спят они, все в инее к рассвету,
И все ближе солнышко к стогам —
К величавым памятникам лету,
Ливням, свету, скошенным лугам.

МЕДВЕЖИЙ РОДНИК

Прибрежной сторожкой тропую,
Слегка замедляя шаги,
Под вечер пришел к водопою
Косматый хозяин тайги.
И, голову вниз опрокинув,
С потяжливым всхрипом

в груди,

Нагорбив мослатую спину,
Он медленно влагу цедил.
Вздымались и вновь опускались
Худые медвежьи бока,
Кроваво глаза отражались
В закатной воде родника.
Еще в них дымилась погоня
И лося оттаявший бок,
И злой, безрассудный,

с разгона,

Чуть-чуть запоздалый прыжок.
Гляжу, как в лесное затишье,
Уже не опасный теперь,

Студеного зелья испивший,
Уходит стареющий зверь...
Я в этом краю заповедном —
Не раз, выбиваясь из сил,
Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил.
И пил запаленно, зверино,
До хрипа, до стога в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся еще жизнь впереди.

* * *

Где домны держат небо на копрах
Бессменно и сурово, как атланты,
Где кедрачи, как море, на ветрах
Несут девятый вал вершин атласных.
Где с гор таежных сходят, как
стада,

В долины рек большие города,
И миллионы жителей тайги
Печатают в асфальт свои шаги,
Где в бухтах, на искусственных
морях

Томятся корабли на якорях,
И сотни серебристых кораблей
Спешат в туман заоблачных полей,
Есть крохотный затерянный лужок
В логу у безымянной тихой речки...
Здесь зайцы собираются в кружок
Вокруг стожка, когда наступит
вечер.

А по утрам, как солнце разведет
По пихтам холодные туманы,
Просохший лес вершинами гудёт
И травы растекаются дурманом...
Вот здесь, в забытой временем
глуши,
В нетронутом таежном этом мире
Постигнуть можно таинство души
Ушедшей и явившейся Сибири!

КЕДРЫ

В таежном мире зеленом
Есть хороший обычай:
Кедры, раскинув крону,
Тайги берегут величие.
Природа-мать наделила
Этих витязей леса
Могучей угрюмой силой,
Телом прочней железа.
Тех, кто таежным вором
Взбирается им на спины,
Кедры берут за ворот
И сбрасывают с вершины.
Я видел эти деревья
С крестом на коре щербленной.
Недаром поверьем древним
Все они осенены.
Стоят они, сдвинув плечи,
Как будто лес охраняют.
И перед первым встречным
Шапок своих не ломают.

ЮЖНАЯ ГОСТЬЯ

Липа! Цветет белоснежная липа
В зелени новой, медвяна, пышна,
Нежная липа у рельсов Южсиба!
Как прижилась в этом крае она?

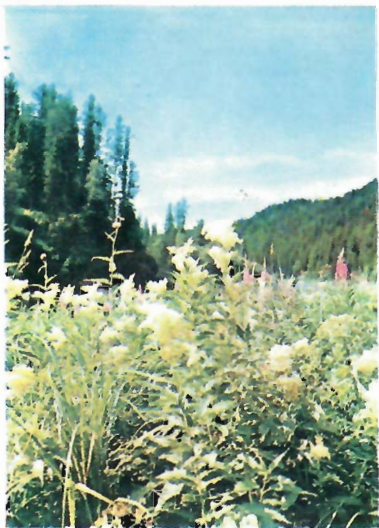
Липа в горах Алатау.. Ведь чудо!
Липе не страшен сибирский мороз!..
С Волги-реки или с Дона — откуда,
Кто ее в шорскую землю привез?

Было преданье про кама Коргуша:
Кам ее вез на крылатом коне...
В липовой роще гудит — только слушай —
Тысячный рой на басовой струне.

Белая липа, тайги украшение,
Нет, ты не гостья из южных лесов!
В рощах и колках твои поколения
Старше Мрассу и древней ледников.

С каждым отростком и семечком каждым
Липа по времени держит пути.
Сколько, должно быть, в ней жизненной
жажды,
Чтоб через тысячи лет к нам прийти!

Перевел с шорского Г. С. С о л я т н и

ТАВОЛГА

Не пижма, не коневник.
Как в сотах мед,
Цветет белоголовник
Цветет, цветет.
Жужжат шмели тяжелые,
Мураш, и тот
Спешит по стеблю желтому:
Ах, где там мед?
Долину понадречную
И склон горы
Фатою подвенечною
Июль укрыл.
Тайга медовым запахом
Напоена
И каждой травкой махонькой
Пьяным-пьяна.
Ах, таволга, ах, таволга,
В звенящий зной
Мне в душу влилась надолго
Ты белизной.

Люблю тебя я,
Родина,
В моей крови,
Гляди,
Заколобродили
Меда твои!
Мне б ко всему причастным быть,
Везде успеть.
Об этом лете ласковом
Как не запеть!

* * *

Горит огнем рябина золотая,
Рассыпались в осиннике грибы,
И перелетных птиц большая стая
Расселась вдоль дороги на столбы
Морозен воздух утренний и звонок.
А персидешь поляну от села —
И долго не найдешь никак спросонок
Тропинку, что в тайгу вчера вела...
Покрылось все ковром багряных листьев,
На ветерке малинник шелестит,
А за бугром — то ль хвост метнется лисий,
То ль просто лист калиновый слетит.

* * *

По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталась,
Все птицы к югу кинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены,
И косточки б погреть...
И некуда от Родины
Единственной лететь...

* * *

Нестареющая, вечная
Красота земли родной —
Голубая даль заречная
С луговой тишиной...

Обнимаю взглядом ласковым
Все травинки на лугу.
Будет срок — живую сказку вам
Расскажу я, как могу.

Вот березка в пышной кофточке,
В белой юбочке своей;
Вон тальник присел на корточки,
Молча смотрится в ручей.

На жужжание знакомое
Обернулся я. Пчела!
С добрым утром, насекомое!
Как живется? Как дела?

Ну, а ты о чем, безвестная,
Пригорюнилась, копна?
Ты же нашенская, местная,
Гордо выглядеть должна!

Знала б ты, как вест по лугу
Ароматом от тебя,—
Под небесным ясным пологом
Ты б стояла не скорбя...

У тропы над синей лужею
Я гляжу во все глаза:
Вертолету неуклюжему
Подражает стрекоза.

Мостик, заводь, куст смородины,
Паровозный крик вдали —
Это все частица родины,
Мирный день родной земли.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Огни вечернего Новокузнецка (*переплет*)
Шахтеры—слава Кузнецкого бассейна (*стр. 3*)
Памятник В. И. Ленину в Кемерове (*стр. 12*)
Памятник В. В. Маяковскому в Новокузнецке (*стр. 16*)
Здание Кемеровской филармонии (*стр. 20*)
Проспект Ленина в Кемерове (*стр. 22*)
Растут новые кварталы (*стр. 24*)
Индустриальный пейзаж (*стр. 28*)
Деревянная резьба Марининска (*стр. 38*)
В горной Шории (*стр. 46*)
В пионерском лагере в окрестностях Междуреченска (*стр. 56—57*)
На закате сибирского лета (*стр. 60*)
Памятник Михайле Волкову в Кемерове (*стр. 62*)
Кемерово. Памятник кузбассовцам, погибшим

на фронтах Великой Отечественной войны
(стр. 72)

Дважды Герой Социалистического Труда
Е. И. Дроздецкий с членами своей бригады гор-
норабочих очистного забоя шахты «Нагорная»
(стр. 80)

Шахта «Распадская» (стр. 84)

В угольном забое (стр. 88)

Мастер огненной профессии (стр. 90)

В лаве на «Распадской» (стр. 94)

Ветераны-воины у танка — памятника трудо-
вого и боевого героизма кузнецких металлургов
(стр. 98)

Юрга. Мемориал героев Великой Отечествен-
ной войны (стр. 102)

На угольном разрезе (стр. 108)

Новокузнецк. Мемориальный комплекс славы
(стр. 114)

Половодье еще не прошло (стр. 120)

В весеннем лесу (стр. 122)

Томь-река (стр. 126)

«На родине моей выпали снега...» (стр. 130)

Лыжники в Горной Шории (стр. 134)

Золотые початки облепихи (стр. 138)

Вечерняя тишина (стр. 144)

Медвежата (стр. 146)

В окрестностях Кии. Таволга цветет (стр. 154)

Первый снег (стр. 158)

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Юров. Рабочая мелодия Куз- басса. ,	5
---	---

КАКОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИМ

Владимир Маяковский. Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка . .	11
Игорь Киселев. Городу, в котором я живу	17
Белла Ахмадулина. Кемерово . . .	21
Игорь Киселев. «Проспекты. Здания. Дороги...»	25
Геннадий Юров. Песня о городе . .	27
Евгений Буравлев. Новокузнецк . .	31
Владимир Измайлов. Цветут яблони	32
Валерий Зубарев. Углегор	33
Иосиф Куралов. Терриконы	36
Игорь Киселев. Марининск	39
Владимир Измайлов. Здравствуй, Междуреченск!	42
Владимир Измайлов. «Мой товарищ спросил у меня без затей...»	44
Владимир Иванов, Берсозовский . . .	47
Любовь Никонова. Родина	48
Виктор Баянов. «Салаир, Салаир...» .	49

Виктор Баянов. Томь-река	51
Валентин Махалов. Ночь на Бельсу	52
Виктор Баянов. Кабырза	54
Василий Федоров «Прощай, село!..»	58
Михаил Небогатов. Я привез...	61
Геннадий Юров. Красная Горка	63

СЛАВЛЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РУКИ!

Виктор Баянов. О сибиряках	69
Евгений Буравлев. Узнаю тебя, друг...	71
Василий Федоров. «Мис, рабочему...»	74
Василий Федоров. Трудовая книжка	75
Евгений Буравлев. «Тебе всей родней напророчен...»	78
Евгений Буравлев. Бригадир	81
Валерий Зубарев. Напарник	82
Иван Полунин. Горняку	85
Иван Полунин. Шахтерское богатство	87
Василий Федоров. Его величество...	91
Валентин Махалов. Первая домна	93
Игорь Киселев. «Возьми, Запсиб, меня в ученики!..»	95
Валентин Махалов. В листопрокат- ном	97
Павел Майский. Горновой	100
Василий Федоров. «Пересохла жар- кие ручки...»	103
Сергей Донбай. Электросварщик	105
Виктор Баянов. Старые плотники	106
Алексей Томилов. День рождения	109
Виктор Баянов. «Крутой подъем...»	111

Владимир Мамаев. «Иду, в людской поток вливаясь...»	113
Игорь Киселев. «В технике, в искусст- ве и в науке...»	115

СТОРОНА ЛЮБИМАЯ, ПРИМЕТНАЯ...

Виктор Баянов. «Сторона любимая, приметная...»	119
Виктор Баянов. «Теперь не знаю, в шесть ли, в семь ли...»	121
Евгений Буравлев. «Да разве есть еще дороже...»	123
Василий Федоров. «Я не люблю немые реки...»	125
Виктор Баянов. «За рекой талиновой, за мельницей...»	128
Василий Федоров. «На родине моей...»	131
Николай Колмогоров. «Хрустальной палицей мороза...»	133
Владимир Измайлов. Цвета тайги .	135
Николай Колмогоров. «Светлы бе- резы. Воздух чист...»	137
Анатолий Саулов. «Какая бслая во- да...»	139
Анатолий Саулов. «Травы тонкие ка- чают...»	141
Михаил Небогатов. Стога	143
Валентин Махалов. Медвежий родник	147
Павел Майский. «Где домны держат нско на копрах...»	149
Валентин Махалов. Кедры	151

Степан Торбоков. Южная гостья . . .	152
Леонид Гержидович. Таволга . . .	155
Павел Майский. «Горит огнем рябина золотая...»	157
Владимир Поташов. «По небу птичья клинопись...»	159
Михаил Небогатов. «Нестареющая, вечная...»	160
Список иллюстраций	162

РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА

Составитель *Наталья Петровна Захарчук*

Редактор *А. М. Титова*

Художник *В. П. Кравчук*

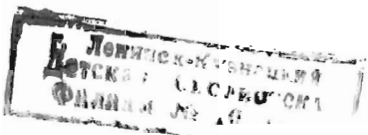
Художественный редактор *А. С. Ротовский*

Технический редактор *Г. И. Манохина*

Корректор *Е. А. Царева*

ИБ № 777

Сдано в набор 17.03.83. Подписано к печати 02.02.84. ОП 07114. Формат 70×90¹/₆₄. Бумага мелованная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3.07. Усл. кр.-отт. 12,65. Уч.-изд. л. 3,59. Тираж 10 000 экз. Заказ 2711. Цена 2 р. 25 к. Кемеровское книжное издательство. 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5. Типография издательства «Омская правда», 644056, г. Омск, проспект Маркса, 39.

2 р. 25 н

КЕМЕРОВО · 1984